

Научная статья
УДК 343.1
EDN SPFTUZ
DOI 10.17150/2411-6122.2026.2.14-25

Функциональный анализ норм, регламентирующих возвращение уголовного дела прокурору, и их место в структуре уголовно-процессуального права

О.Д. Вастьянова

Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Красноярск, Российская Федерация, vas11Le88@mail.ru

Аннотация. Рассматривается природа и место норм, регламентирующих возвращение уголовного дела прокурору, в структуре уголовно-процессуального права. В своих рассуждениях автор опирается на теоретико-правовую концепцию юридической конструкции, применяя ее к положениям отечественной уголовно-процессуальной доктрины по проблеме структуризации уголовно-процессуального права. Обосновывается, что указанные нормы обладают признаками юридической конструкции, обеспечивающей согласованность стадий предварительного расследования и судебного разбирательства. Показано, что функциональное назначение совокупности норм, регламентирующих возвращение уголовного дела прокурору, выходит за рамки отдельных процессуальных институтов, формируя судебный механизм устранения ошибок и недостатков досудебного производства по уголовному делу. Такой подход позволяет более последовательно определить место данных норм в структуре уголовно-процессуального права и уточнить их роль в реализации принципа законности, применительно к досудебному производству по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, возвращение уголовного дела прокурору, юридическая конструкция, правовая специфика, структура уголовного процесса, институт подготовки уголовного дела, теория права; правовая система.

Для цитирования: Вастьянова О.Д. Функциональный анализ норм, регламентирующих возвращение уголовного дела прокурору, и их место в структуре уголовно-процессуального права / О.Д. Вастьянова. — DOI 10.17150/2411-6122.2026.2.14-25. — EDN SPFTUZ // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2026. — № 2. — С. 14–25.

Original article

Functional Analysis of Norms Regulating the Return of a Criminal Case to the Prosecutor and Their Place in the Structure of Criminal Procedure Law

O.D. Vastyanova

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnoyarsk, the Russian Federation, vas11Le88@mail.ru

Abstract. The article examines the nature of norms regulating the return of a criminal case to the prosecutor and their place in the structure of criminal procedure law. The author uses the theoretical and legal concept of a legal construct to analyze provisions of the Russian criminal procedure doctrine on the structuring of criminal

procedure law. It is substantiated that these norms have the characteristics of a legal construct that ensures consistency between the stages of preliminary investigation and court inquiry. It is shown that the functional purpose of the set of norms regulating the return of a criminal case to the prosecutor extends beyond individual procedural institutions and forms a court mechanism for eliminating the mistakes and shortcomings of pre-trial proceedings in a criminal case. Such an approach makes it possible to determine the place of these norms in the structure of criminal procedure law more consistently, and to specify their role in the application of the principle of legality to pre-trial proceedings on a criminal case.

Keywords: criminal procedure law, return of a criminal case to the prosecutor, legal structure, legal specifics, structure of criminal proceedings, institution of criminal case preparation, theory of law, legal system.

For citation: Vastyanova O.D. Functional Analysis of Norms Regulating the Return of a Criminal Case to the Prosecutor and Their Place in the Structure of Criminal Procedure Law. *Sibirskie Uголовно-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2026, no 2, pp. 14–25. (In Russian). EDN: SPFTUZ. DOI: 10.17150/2411-6122.2026.2.14-25.

Структура уголовно-процессуального права — одна из «вечных» проблем теории уголовного процесса. Несмотря на достаточно действенные попытки прийти к определенному общему знаменателю, исследователям до сих пор так и не удалось прийти к единому пониманию внутренней структуры уголовно-процессуального права, сформулировать, какие именно элементы составляют ее, внутреннюю организацию каждого элемента и его место структуре уголовно-процессуального права. Данная проблема носит не только теоретический характер, как об этом можно было бы судить, не углубляясь в ее суть. От степени ее разрешения во многом зависит то, насколько качественно будет организован основной нормативно-правовой акт, регулирующий уголовно-процессуальную деятельность в государстве — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 года (далее — УПК РФ). Другими словами, познание структуры уголовно-процессуального права и эффективность уголовно-процессуального регулирования — «две стороны одной медали». Для нас совершенно очевидно, что одного без другого быть не может.

Указанная проблема, казалось бы, давно разрешена на уровне общей теории права. В системе представлений, сформулированных общеправовой наукой на протяжении последних пятидесяти лет, все выглядит достаточно просто и совершенно определено. Если максимально обобщить все эти знания, представления о системе права выглядят следующим образом. По сути, это совокупность отраслей права, каждая из которых имеет свой предмет и метод правового регулирования или охраны, а, следовательно, регулирует или охраняет отдельную сферу общественных отношений.

Каждая отрасль, в свою очередь, имея внутреннюю структуру, сама представляет собой систему — упорядоченную совокупность элементов. При этом можно выделить обязательные (присущими каждой отрасли права) и не обязательные (присутствующими в структуре только самых «крупных», сложно структурированных отрасли права) элементы этой системы. К первой группе обычно относят нормы права и их достаточно крупные правовые ассоциации — правовые институты. Ко второй — промежуточные элементы,

отражающие более сложное строение некоторых отраслей права, а именно: подотрасли как структурные элементы, включающие в себя их институты и субинституты — группы норм права, сформированные «внутри» отраслевых правовых институтов [1; 2].

Итак, теория права дает отраслевым наукам вполне устойчивый фундамент в понимании того, что собой представляет унифицированная структура правовой отрасли. По крайней мере, сформулированные правоведями-теоретиками подходы не кажутся «пизанской башней», имеющей, как известно, весьма зыбкую основу. Однако, исследование системы уголовно-процессуального права в контексте традиционного системного подхода, как нам представляется, указывает на слабое место в расчетах «архитекторов» системы права: он оставляет за ее рамками некие ассоциации уголовно-процессуальных норм, которые не могут быть отнесены ни к одному из упомянутых выше элементов структуры права.

Как показал анализ системы норм уголовно-процессуального права (именно права, а не законодательства — это принципиально), таких ассоциаций немало и каждая из них требует объяснения, как с точки зрения функционального, так и с позиции системного подхода. В данном исследовании сосредоточим внимание только на одной из них — совокупности норм, регламентирующих порядок и процессуальные последствия возвращения уголовного дела прокурору, который включает в себя нормы, помещенные законодателем в ст. 237, п. 7 ч. 1 ст. 389.20, ч. 3 ст. 389.22, п. 3 ч. 1 ст. 401.14 и п. 6 ч. 1 ст. 412.11 УПК РФ.

Нужно признать, что возвращение уголовного дела прокурору занимает уникальное место в системе российского уголовного судопроизводства и

в настоящее время наряду с судебными контрольными полномочиями выступает реальным судебным механизмом, направленным на обеспечение законности предварительного расследования. При этом, несмотря на значимость этого вида уголовно-процессуальной деятельности, ее правовая природа, а также место норм, регламентирующих ее, в системе уголовно-процессуального права остаются предметом активного обсуждения как на уровне уголовно-процессуальной доктрины, так и в рамках правоприменительной практики. Причем, актуальность обозначенных проблем в последние годы значительно выросла. Это обусловлено и изменениями в уголовно-процессуальном законодательстве, и новыми подходами к процессуальному регулированию возвращения уголовных дел прокурору, выработанными Конституционным Судом РФ и Пленумом Верховного Суда РФ. Сегодня данный механизм значительно отличается от своей первоначальной формы: благодаря совместным усилиям законодателя и судебной власти он превратился в эффективный инструмент обеспечения законности досудебного производства, пригодный для практического применения.

Значительно усложняет разрешение проблемы определения места норм, регламентирующих возвращение уголовного дела, в структуре уголовно-процессуального права. Так, уже самое первое обращение к конструкции ст. 237 УПК РФ позволяет обнаружить семь норм этой статьи закона, имеющих отсылочный характер. Такое ее построение вполне очевидно указывает на достаточно сложные межотраслевые и внутриотраслевые связи норм, регламентирующих возвращение уголовного дела прокурору, с нормами иных, при-

чем, не только уголовно-процессуальных институтов.

Все упомянутое выше, как представляется, весьма недвусмысленно указывает на то, что глубокое теоретическое осмысление природы деятельности по возвращению уголовного дела прокурору и того места, которое занимают нормы, регламентирующие его порядок в системе уголовно-процессуального права, имеет важнейшее практическое значение. Разрешение этих проблем позволит унифицировать подходы к толкованию закона, и, в конечном счете, избежать его произвольного применения.

Начнем с вопроса о функциональной природе деятельности по возвращению уголовного дела прокурору. Важнейшими факторами, обусловившими современные подходы к ее пониманию, и это нужно признать, стали концептуально значимые аспекты этой деятельности, получившие отражение в решениях высших судебных органов.

В первую очередь тут необходимо сказать о Конституционном Суде РФ, который последовательно указывает на то, что возвращение дела должно быть направлено на устранение исключительно процессуальных препятствий, а не на проведение дополнительного расследования, что подтверждается Постановлениями № 10-П и № 45-П, а также рядом других его решений.

С другой стороны, Пленум Верховного Суда РФ в своем недавнем постановлении от 17.12.2024 г. № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» настолько расширил критерий «существенности» нарушений уголовно-процессуального закона как основания для возвращения

судом уголовного дела прокурору, что это дало некоторым исследователям почву для утверждения о стирании границ между возвращением уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ и возвращением уголовных дел для дополнительного расследования из судебных стадий, допускавшегося в прошлом положениями Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года [3–6].

Так, например, О.А. Волторнист, разделяя данную точку зрения, прямо пишет, что новая редакция ст. 237 УПК РФ свидетельствует о постепенной реанимации института возвращения судом уголовного дела для производства дополнительного расследования [7, с. 55].

В.С. Балакшин, также обосновывает необходимость нормативного восстановления института возвращения судом уголовного дела для производства дополнительного расследования как самостоятельного и отличного от возвращения дела прокурору механизма, направленного на устранение препятствий его рассмотрения. По мнению исследователя, существующая правовая практика и законодательство игнорируют важность данного механизма, что ведет к его подмене иными процессуальными процедурами, не предназначенными для этого. Для устранения этого пробела автор предлагает четко разграничить основания возвращения дела прокурору с целью устранения препятствий к рассмотрению уголовного дела судом и для дополнительного расследования, а также дополнить УПК РФ статьей, предусматривающей полномочия прокурора и органов предварительного расследования при выполнении дополнительного расследования по возвращенному делу [8, с. 25].

В противоположность данной позиции А.А. Тришева в своем исследовании пришла к выводу, что отказ от до-

полнительного расследования в России в 90-е годы XX века обусловлен переходом к состязательной модели уголовного судопроизводства. В рамках данной модели, где функции обвинения, защиты и разрешения дела строго разделены, необходимость в собирании доказательств судом отпадает, что исключает условия для дополнительного расследования, характерного для розыскного типа судопроизводства [9, с. 29].

Интересное мнение по вопросу о природе механизма возвращения уголовного дела прокурору высказала А.Р. Шарипова. Автор предлагает рассматривать возвращение уголовного дела судом как особую процессуальную меру, которая функционально выполняет роль «третьего вида приговора» в системе уголовного судопроизводства. И хотя А.Р. Шарипова отдает себе отчет, что это не приговор в прямом смысле, она рассматривает его как отдельный правовой результат рассмотрения дела, аналогичный англо-саксонскому статусу «не доказано» или отечественному дореволюционному институту «оставления под подозрением». Суть данной позиции заключается в том, что при возвращении дела судом отсутствует окончательное решение по существу обвинения, но сохраняется возможность повторного рассмотрения дела при повторном обращении по тем же обстоятельствам. И хотя российское уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает такой возможности, в понимании А.Р. Шариповой возвращение дела прокурору занимает особое место в системе правовых результатов судебного разбирательства, выступая в качестве промежуточной меры, позволяющей обеспечить одновременную защиту прав обвиняемого и интересы правосудия без окончательного принятия решения [10, с. 97].

Несмотря на формальные различия между возвращением уголовного дела прокурору и возвращением уголовного дела на дополнительное расследование на современном этапе развития уголовно-процессуального регулирования можно говорить о конвергенции правовой природы рассматриваемых правовых механизмов. При этом, несмотря на то, что нормативная основа, регулировавшая возвращение дела на дополнительное расследование, не была предметом комплексного научного анализа, современная судебная практика и законодательство, исключая возможность возвращения дела прокурору с целью восполнения пробелов расследования, тем не менее, не запрещают производство необходимых следственных действий после такого возвращения. В результате обеспечивается более гибкий и эффективный механизм для устранения процессуальных нарушений и препятствий, возникающих в ходе расследования. Эта особенность сближает процедуру возвращения дела прокурору с механизмом дополнительного расследования, но не отождествляет их.

Подводя первый промежуточный итог и опираясь на реалии современного уголовно-процессуального законодательства, можно с достаточной степенью определенности констатировать, что правовая природа такого правового явления, коим является механизм возвращения уголовного дела прокурору, претерпевает серьезные изменения. Появившись, в первую очередь, как организационное средство обеспечения судебного разбирательства, на сегодня механизм возвращения уголовного дела прокурору приобрел черты судебно-контрольной процедуры, обеспечивающей законность предварительного расследования. Причем, если учесть суть разъяснений Пленума Верховного Суд

РФ от 17.12.2024 г. № 39, судебные-контрольные аспекты в этой детальности явно преобладают над организационными, что позволяет вести речь о двойственной системе задач, стоящих перед процедурой возвращения уголовного дела прокурору: с одной стороны, это, по-прежнему, обеспечение возможности проведения судебного разбирательства, с другой же — судебный контроль законности досудебного производства по уголовному делу.

Подробное изучение сущности механизма возвращения судом уголовного дела прокурору необходимо для ответа на вопрос: чем же все-таки является группа норм, регламентирующих его, в системе уголовно-процессуального права?

Внутренняя организация любой отрасли права, выражающаяся в обособлении в ее структуре относительно самостоятельных групп норм, происходит исключительно по функциональному признаку. Логика формирования функциональных связей в структуре отрасли права примерно следующая.

Первоначально отрасль права формируется как простая совокупность норм, объединенных общим предметом правового регулирования и характеризующими ее принципами. С течением времени, в процессе усложнения системы общественных отношений, вызванном появлением новых групп социальных интересов, происходит увеличение количества норм, призванных регламентировать или охранять эти общественные связи. Причем, массив этих норм со временем становится настолько большим, что отрасль права внутри себя начинает приобретать сложную структуру за счет того, что внутри отрасли права начинают формироваться обособленные группы норм — основа будущих отраслевых институтов.

Дальнейшее развитие отрасли права может остановиться на этапе ее институализации, либо продолжиться, когда уже внутри институтов снова станут образовываться относительно самостоятельные правовые сущности, получившие в теории права название субинститутов.

Развитие субинститутов в конечном итоге может привести к появлению подотраслей той или иной отрасли права, однако это вовсе не обязательно. В этом процессе главенствующий фактор — сложность и многообразие системы регулируемых или охраняемых данной отраслью права отношений, от чего прямо зависит, структура и система норм данной отрасли. С этой точки зрения есть все основания полагать, что отрасли права «с рождения» могут быть предрасположены к появлению подотраслей (уголовно-процессуальное право, безусловно, относится к такой категории) или не иметь такого потенциала.

Описанные закономерности вполне универсальны и характеризуют любую отрасль права. Однако, что заставляет нормы права группироваться, какая сила притягивает их друг к другу? В нашем представлении ответ кроется в функциональной плоскости, а именно, в общности разрешаемых той или иной совокупностью норм правовых задач. Только это может, с одной стороны, объединять нормы в группы, с другой — структурно обособлять их в системе правовой отрасли.

Следуя логике функционального подхода к систематизации уголовно-процессуального права, массив норм, регламентирующих порядок возвращения уголовного дела прокурору, представляется вполне самостоятельным элементом в структуре данной отрасли. Но какова его правовая природа?

В теории уголовного процесса нормы, регламентирующие возвращение уголовного дела прокурору как правило рассматриваются в качестве уголовно-процессуальном института. Опираясь на формулировку Конституционного Суда РФ, который называет возвращение уголовного дела прокурору «особым порядком движения уголовного дела, не тождественным его возвращению для производства дополнительного расследования», так предлагают рассматривать этот комплекс норм В.В. Кальницкий и Т.В. Куряхова [11, с. 8].

С одной стороны, с указанными авторами сложно не согласиться. Очевидные признаки института в нормах, регламентирующих возвращение уголовного дела прокурору, вполне убедительны. Анализ статьи 237 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что она представляет собой не монолитное нормативное предписание, а сложную систему взаимосвязанных правовых норм. Разделение данной нормы закона на отдельные компоненты выявляет различные аспекты правового регулирования, однако их согласованное функционирование обеспечивает многогранное воздействие на правоотношения в сфере уголовного судопроизводства. Именно разнородность входящих в состав ст. 237 УПК РФ норм, обеспечивающая многостороннее регулирование, позволяет исследователям обособить данную их совокупность от других и рассматривать ее как самостоятельный правовой институт. Разноплановость юридического содержания в уголовном судопроизводстве, обусловленная различием прав и обязанностей участников, в полной мере проявляется в отношениях, возникающих в процессе применения положений статьи 237 УПК РФ.

Этот вывод созвучен с позицией А.А. Тришевой, обосновывающей множественность нормативных предписаний в рамках отдельных статей закона. Статья 237 УПК РФ содержит несколько регулятивно-охранительных блоков, определяющих основания возвращения, процедуру рассмотрения ходатайств и санкции за нарушение запрета на производство следственных действий [12, с. 84].

Следуя подходу, при котором правовая норма не отождествляется с нормативным предписанием (логически завершенной частью нормативного акта), статья 237 УПК РФ, включающая разнообразные предписания, должна рассматриваться как совокупность самостоятельных норм, комплексно регулирующих данный участок общественных отношений. Разносторонность юридического содержания правовой нормы обеспечивается наделением различных субъектов взаимосвязанными правами и обязанностями. Именно этот признак разнородности, по мнению А. А. Тришевой и ряда других авторов позволяет выделить обособленный правовой институт. [10, с. 98; 13; 14] Таким образом, структурный анализ ст. 237 УПК РФ подтверждает тезис о множественности правовых норм в рамках одной статьи, способствуя более точному пониманию механизма правового регулирования в уголовном процессе.

Аналогичной точки зрения придерживаются В.В. Кальницкий и Т.В. Куряхова, указывая, что совокупность норм, регламентирующих порядок возвращения уголовного дела прокурору, не ограничивается положениями ст. 237 УПК РФ. В нее также должны быть включены и нормы ряда других статей УПК РФ (п. 7 ч. 1 ст. 389.20, ч. 3 ст. 389.22, п. 3 ч. 1 ст. 401.14 и п. 6 ч. 1 ст. 412.11 УПК РФ).

Казалось бы, ответ на вопрос о месте этих норм в системе уголовно-процессуального права однозначен — это его институт. Но такому решению проблемы препятствует сама суть системного подхода, согласно которому система — это *упорядоченная* совокупность элементов, т.е. их некий порядок, иерархия. Рассмотрим вопрос о месте норм, регламентирующих возвращение уголовного дела прокурору и под этим углом.

Если предположить, что нормы, регламентирующие возвращение уголовного дела прокурору, — это уголовно-процессуальный институт, структурно, с точки зрения уже функционального подхода, эта группа норм должна представлять собой изолированную замкнутую совокупность, направленную на решение отдельной правовой задачи, отличной от задач, на решение которых направлены другие правовые общности. Анализ уголовно-процессуального законодательства указывает на то, что это не так. На разрешение организационной и судебно-контрольной задач нацелен не только механизм возвращения уголовного дела прокурору, а вся деятельность по подготовке уголовного дела к судебному разбирательству в целом. Чтобы убедиться в этом, достаточно назвать круг вопросов, которые разрешаются судьей по поступившему к нему уголовному делу (ст. 228 УПК РФ). С этой точки зрения на право называться уголовно-процессуальным институтом претендует не только группа норм, регламентирующих возвращение уголовного дела прокурору, а *вся совокупность норм, регулирующих порядок подготовки уголовного дела к судебному разбирательству*.

Причем, институт подготовки уголовного дела к судебному разбирательству неоднороден, т.к., сам имея

сложную внутреннюю структуру, он включает в себя две группы норм, составляющих его структурные элементы более низкого порядка: субинститут общего порядка подготовки уголовного дела к судебному разбирательству и субинститут предварительного слушания. На общность происхождения норм, регламентирующих эти виды судебной деятельности, однозначно указывает единство их задач, что, однако, не позволяет идентифицировать их в качестве единого института уголовно-процессуального права. Дифференциация указанных субинститутов определена различием содержания уголовно-процессуальной деятельности по подготовке уголовного дела к судебному разбирательству, осуществляемой в той и другой форме.

Итак, следуя общей закономерности построения сложных систем, т.е. систем, имеющих внутреннюю структуру, институт подготовки уголовного дела к судебному разбирательству — это элемент структуры уголовно-процессуального права, который сам имеет внутреннюю структуру, включающую в себя два функционально связанных между собой элемента, каждый из которых, в свою очередь, также система, т.е. совокупность элементов. Однако, что это за элементы?

В «традиционной» логике системного подхода к праву этими элементами должны быть «первичные клетки» правового «организма» — единичные нормы уголовно-процессуального права. Но как показывает анализ нормативного материала — это не так.

Та же ст. 237 УПК РФ, которая регламентирует возвращение уголовного дела прокурору, это не единичная норма, а некая их совокупность, объединенная решением единой судебно-контрольной задачи. Но, что это за

правовая общность? В «традиционной» системе элементов структуры отрасли права явно отсутствует элемент, занимающий промежуточное место между отдельной нормой и субинститутом. Этот элемент практически не упоминается в отраслевой правовой литературе, однако давно известен теории права. Речь идет о так называемых «юридических конструкциях» [15, с. 69], к числу которых мы относим группу норм, регламентирующих возвращение уголовного дела прокурору.

Известно, что теория права, как фундамент отраслевых юридических наук, традиционно опережает их развитие. Это вполне естественный и зачастую положительный процесс, поскольку именно общетеоретические положения формируют основу для построения устойчивых и научно обоснованных концепций в отраслевых доктринах. В идеале, положения отраслевых наук, воплощаемые впоследствии в законодательстве, должны опираться не на предположения, а на проверенные научные выводы. Указанные закономерности вполне применимы к феномену юридических конструкций, которые не являют собой чего-то «сверхнового» в теории права, однако, практически не востребованы теорией уголовного процесса.

Если исключить достаточно продолжительный период, когда юридический конструктивизм рассматривался теорией права в качестве приема юридической техники, можно вполне обоснованно констатировать, что юридические конструкции как правовое явление стали фигурировать в советской теоретико-правовой литературе уже в начале 70-х годов прошлого века. Пионером в этой проблематике был А. Ф. Черданцев, который еще в 1972 году определил юридические кон-

струкции как «модель урегулированных правом общественных отношений или отдельных элементов, служащая методом познания права и общественных отношений, урегулированных им» [16, с. 12]. При этом уже тогда автор проводил разграничение между юридическими и нормативными конструкциями: «Юридические конструкции, которые находят определенное закрепление и выражение в нормах права, можно бы назвать нормативными юридическими конструкциями, в отличие от теоретических юридических конструкций, используемых правовой наукой в качестве метода исследования» [15, с. 13].

Упомянул юридические конструкции в своих исследованиях и классик советской и российской теоретико-правовой мысли С. С. Алексеев, который рассматривал их в качестве «определяющего элемента собственного содержания права (или его структуры), когда оно выходит из состояния начальных, примитивных форм и получает развитие как самостоятельный феномен человеческой цивилизации» [17, с. 280].

Как представляется, уголовно-процессуальное право уже давно вышло из своей «примитивной» формы, став одной из самых структурно сложных отраслей российского права, включающей в себя весь спектр элементов: от нормы права, до подотрасли. Яркий пример того — сложный институт подготовки уголовного дела к судебному разбирательству, в структуре которого один из элементов — субинститут общего порядка подготовки — обычная совокупность норм (простая система, не имеющая внутренней структуры), а другой — субинститут предварительного слушания — совокупность норм и юридических конструкций (сложная система, с явной внутренней структурой), одной из которых является юри-

дическая конструкция возвращения уголовного дела прокурору. Ее нормы обладают всеми признаками юридической конструкции, представляя собой устойчивую модель урегулированных правом процессуальных отношений, обеспечивающую осуществление судебной-контрольной функции в рамках деятельности по подготовке уголовного дела к судебному разбирательству.

Список использованной литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права / С. С. Алексеев. — Москва : Юрид. лит., 1981. — Т. 1. — 359 с.
2. Лантух Н.В. Теория уголовно-процессуальных институтов / Н.В. Лантух. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбУ МВД России, 2015. — 156 с. — EDN IAYOFP.
3. Бикмиев Р.Г. Какие «технические» нарушения в деле могут стать основанием для его возвращения прокурору / Р.Г. Бикмиев. — EDN GUZZYQ // Уголовный процесс. — 2024. — № 8 (236). — С. 24–28.
4. Сарычев Д.С. Возвращение уголовного дела прокурору и аналогичные институты гражданского процесса: сравнительная характеристика / Д.С. Сарычев. — DOI 10.17803/2311-5998.2018.42.2.221-229. — EDN YWZDEA // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 2 (42). — С. 221–229.
5. Гаврилов Б.Я. Пределы судебного разбирательства и возможности суда по изменению обвинения: российский и зарубежный опыт / Б.Я. Гаврилов. — DOI 10.24412/2072-9391-2022-363-83-91. — EDN IAZNUG // Труды Академии управления МВД России. — 2022. — № 3 (63). — С. 83–91.
6. Бурганов Р.С. Основания возвращения прокурору уголовных дел о должностных преступлениях / Р.С. Бурганов. — EDN HNNUTD // Уголовный процесс. — 2024. — № 8 (236). — С. 29–35.
7. Волторнист О.А. Трансформация института возвращения уголовного дела прокурору / О.А. Волторнист. — EDN ТААСНВ // Вестник Омской юридической академии. — 2014. — № 4 (25). — С. 54–57.
8. Балакшин В.С. Основания возрождения института возвращения судом уголовного дела для производства предварительного расследования / В.С. Балакшин. — DOI 10.34076/22196838_2024_3_18. — EDN SZOYUT // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2024. — № 3. — С. 18–27.
9. Тришева А.А. Возвращение уголовного дела прокурору в российском уголовном процессе / А.А. Тришева. — Москва : Проспект, 2023. — 320 с. — EDN LQZZUF.
10. Шарипова А.Р. Институт возвращения судом уголовного дела прокурору: межотраслевые аналогии / А.Р. Шарипова. — DOI 10.25724/VAMVD.A023. — EDN KSTWSZ // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2022. — № 3 (62). — С. 95–103.
11. Кальницкий В.В. Возвращение уголовного дела прокурору / В.В. Кальницкий, Т.В. Куряхова. — Омск : Изд-во ОМА МВД России, 2021. — 132 с. — EDN KZQUSA.
12. Тришева А.А. Образуют ли нормы статьи 237 УПК РФ самостоятельный правовой институт? / А.А. Тришева. — EDN KVVZJN // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2008. — № 10. — С. 80–86.
13. Трифонова К.А. Правовой институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование : проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / К.А. Трифонова. — Волгоград, 2012. — 26 с. — EDN ZOMDLT.
14. Штекерев К.И. Возвращение уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ: эволюция и современное состояние института / К.И. Штекерев. — EDN XGSQBZ // Проблемы в российском законодательстве. — 2016. — № 8. — С. 289–293.
15. Чевычелов В.В. Юридическая конструкция : проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В.В. Чевычелов. — Нижний Новгород, 2005. — 180 с. — EDN NNQHEB.
16. Черданцев А.Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике / А.Ф. Черданцев. — EDN WLXLZE // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1972. — № 3. — С. 12–19.

17. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С.С. Алексеев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма, 2002. — 608 с. — EDN RPPLHT.

References

1. Alekseev S.S. *General Theory of Law*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1981. Vol. 1. 359 p.
2. Lantukh N.V. *Theory of Criminal Procedure Institutions*. Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2015. 156 p. EDN: IAYOFF.
3. Bikmiev R.G. “Technical” Violations that Could Become Grounds for Returning a Case to the Prosecutor. *Ugolovnyi protsess = Criminal Procedure*, 2024, no. 8, pp. 24–28. (In Russian). EDN: GUZZYQ.
4. Sarychev D.S. Return the Criminal Case to the Prosecutor and Similar Institutions of the Civil Procedure: Comparative Characteristics. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina = Courier of Kutafin Moscow State Law University*, 2018, no. 2, pp. 221–229. (In Russian). EDN: YWZDEA. DOI: 10.17803/2311-5998.2018.42.2.221-229.
5. Gavrilov B.Ya. The Limits of Litigation and the Court’s Opportunities to Change the Charge: Russian and Foreign Experience. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2022, no. 3, pp. 83–91. (In Russian). EDN: IAZNUG. DOI: 10.24412/2072-9391-2022-363-83-91.
6. Burganov R.S. Grounds for Returning Criminal Cases of Malfeasance to the Prosecutor. *Ugolovnyi protsess = Criminal Procedure*, 2024, no. 8, pp. 29–35. (In Russian). EDN: HNNUTD.
7. Voltornist O.A. Transformation of the Institute of the Criminal Case Relegation to the Prosecutor. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii = Vestnik of the Omsk Law Academy*, 2014, no. 4, pp. 54–57. (In Russian). EDN: TAACHB.
8. Balakshin V.S. Grounds for the Revival of the Institution of the Court's Return of a Criminal Case for Additional Investigation. *Elektronnoe prilozhenie k Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu = Electronic Supplement to Russian Juridical Journal*, 2024, no. 3, pp. 18–27. (In Russian). EDN: SZOYUT. DOI: 10.34076/22196838_2024_3_18.
9. Trisheva A.A. *Return of a Criminal Case to the Prosecutor in Russian Criminal Procedure*. Moscow, Prospect Publ., 2023. 320 p. EDN: LQZZUF.
10. Sharipova A.R. Institute for the Return of a Criminal Case to a Prosecutor by a Court: Intersectoral Analogies. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry*, 2022, no. 3, pp. 95–103. (In Russian). EDN: KSTWSZ. DOI: 10.25724/VAMVD.A023.
11. Kalnitsky V.V. *Returning a Criminal Case to the Prosecutor*. Omsk Academy of Interior of Russia Publ., 2021. 132 p. EDN KZQUSA.
12. Trisheva A.A. Do the Norms of Article 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation Form an Independent Legal Institution. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Law of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2008, no. 10, pp. 80–86. (In Russian). EDN: KVVZNI.
13. Trifonova K.A. *Legal Institution of Returning a Criminal Case for Additional Investigation: Problems of Theory and Practice*. Cand. Diss. Thesis. Volgograd, 2012. 26 p. EDN: ZOMDLT.
14. Shtekerov K.I. The Remanding a Criminal Case to a Public Prosecutor According to the Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Evolution and Current Status of the Institute. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2016, no. 8, pp. 289–293. (In Russian). EDN: XGSQBZ.
15. Chevychelov V.V. *Legal Construction (Problems of Theory and Practice)*. Cand. Diss. Nizhny Novgorod, 2005. 180 p. EDN: NNQHEB.
16. Cherdantsev A.F. Legal Constructions, Their Role in Science and Practice. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*, 1972, no. 3, pp. 12–19. (In Russian). EDN: WLXLZE.
17. Alekseev S.S. *Ascent to Law. Searches and Solutions*. 2nd ed. Moscow, Norma Publ., 2002. 608 p. EDN: RPPLHT.

Информация об авторе

Вастьянова Олеся Дмитриевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 660131, Российская Федерация, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20, <https://orcid.org/0000-0001-5161-5046>, SPIN-код: 3800-2062.

Author Information

Vastyanova, Olesya D. — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Department of Criminal Procedure, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 20 Rokossovskiy Str., Krasnoyarsk, 660131, the Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-5161-5046>, SPIN-Code: 3800-2062.

Поступила в редакцию / Received 18.02.26

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.03.26

Принята к публикации / Accepted 18.06.26

Дата онлайн-размещения / Available online 30.06.26